

Т. В. Сазонова

К вопросу о выборах приходского духовенства в Белозерском уезде в XVII в.

В Московском государстве XVI–XVII в. существовала практика выбора священно- и церковнослужителей прихожанами, после чего епископ или митрополит «поставлял» избранников. В 1551 г. эта практика была утверждена на Стоглавом соборе: «По всем святым церквам в митрополии и во архиепископьях и в епископьях избирают прихожане священников и дьяконов искусных и грамоте гораздых и житием непорочных. И денег у них от церкви и себе мзды не емлют ничего, и приводят их, и приходят с ними ко святителю. И святитель их, поучив и наказав, благословляет и не емлет с них ничего, разве благословенные гривны. А от проскурниц и от пономарей и сторожей попом и уличаном и прихожаном посулов не имати ничего, но Бога ради избирати священников с одного, чтобы были искусны и непорочны от всякого зазору неподобного»¹.

Это подтверждалось на церковных соборах второй половины XVII в.: «Иереем же быти у церквей избранным и от народа честно призванным и от архиерей благословенным и повеленным»². Таким образом, приход, православная община не просто участвовала, но была обязана избирать «с одного» будущего священника и представлять его иерарху для «поставления».

Свидетельством актов избрания служат документы — «мирские выборы», «излюбленные грамоты», «выборные челобитные». В XIX в. эти документы рассматривал К. И. Невоструев³, в XXI в. «ставленнические дела» из архива

Казенного приказа митрополита Крутицкого использовал П. С. Стефанович в своей работе о приходском духовенстве⁴.

«Мирской выбор» представлял собой своего рода «удостоверение», «справку», которую «мир» давал выбранному кандидату в священники, фиксируя сделанный выбор. Большую часть текста составляли взаимные обязательства сторон. Так, в 1684 г. прихожане (церковный староста и 20 человек, перечисленные поименно, и «все приходские люди» церкви Введения Пречистые Богородицы вотчины девичьего Горицкого монастыря в Белозерском уезде) «выбрали и излюбили в попы» Григория Михайлова, церковного дьячка Благовещенского прихода села Волока Славенского вотчины соседнего Кирилло-Белозерского монастыря. Обязательства Григория были прописаны так: «Быть ему у той церкви Введения Пречистые Богородицы попом, и к церкви Божьи быть подвижну, и к нам, прихожанам, со всякою потребою послушну». Обязательства прихожан: «А нам, ево приходским людям, во всем слушати и почитать и в духовенство к нему приходити». Далее прописаны материальные условия его содержания: «А жити ему, попу Григорью, на церковной земле в деревне Близнецове; и церковною землею владеть двема долма и с сеными покосы в той деревне; а третью земли и санными покосы владеть церковному дьячку Ивашку Семенову; и церковные всякие доходы, кроме духовенства, делить по третям; а что хоромнаго строения в той деревне Близнецове, и дворовым местом владеть ему, попу Григорию, кроме житницы, а овином и банею владеть вместе...» К этому документу приложили руки семь крестьян и священник (вероятно, монастырский) Александр Трофимов вместо церковного старосты и остальных крестьян, которые были упомянуты в этом выборе⁵.

Другой тип документа — это «выборная челобитная», или излюбленная челобитная епископу с просьбой «поставить» священника или дьякона. К концу XVII в. сложился формуляр подобных челобитных: обращение к епископу, описание бедственной ситуации из-за отсутствия священника, характеристика нового кандидата и просьба о его «поставлении», в завершение — рукоприкладства челобитчиков. В челобитные включались стандартные формулы, которые с теми или иными вариациями встречались неоднократно: прежний священник «к болям с причастием и к роженицам с молитвою ходить не может и из-за старости служить не может», из-за этого «церковь Божия стоит без пения, и приходские люди умирают без покаяния и без причастия, а роженицы лежат многое время без молитв», предлагаемый кандидат «человек добрый и им люб и годен».

Нередко «выборная челобитная» предполагала, что новым священником станет родственник предыдущего — сын, брат, зять. Как заметил П. С. Стефанович, «на основной территории России в конце XVII в. при поставлении клириков в приход учитывался в первую очередь не их договор с “миром”, а их “родовое право” на церковное место и моральный облик»⁶. Примером может служить челобитная 1666 г. вологодскому архиепископу Симону от крестьян дворцовой

езовой волости Бора Иванова Белозерского уезда — «петровских прихожан»: старосты Никулы Иванова, целовальника Сеньки Леонтьева и еще 17 крестьян, указанных поименно⁷. В челобитной говорится, что у них в приходе в церкви святых верховных апостолов Петра и Павла служил «отец их духовный» священник Козьма Никитин, но ныне он «устарел, а все ногами заскорбел и очми стал туп», из-за чего «к болям с причастием и к роженицам с молитвою ходить не может и из-за старости служить не может». Поэтому прихожане «выбрали и излюбили» в священники его сына, дьячка Дмитрия Козьмина. Далее идет характеристика этого дьячка как человека «праведна и непорочна и благочестива, от всякого зла укланяющагося, и в грамоте добра, чтоб у нас в приходе у тое церкви на отцовском месте быть ему по твоему святительскому благословиению в попех»⁸.

Другой пример — челобитная 1689 г. игумену Кирилло-Новоезерского монастыря Иоасафу от мирских старост и мирских людей (приведены 10 имен) от имени всех крестьян вотчины этого же монастыря. Согласно ее тексту, архиепископ вологодский и белозерский Гавриил перевел их приходского священника Никиту Иванова в церковь Успения Богородицы в село Мегра вотчины соседнего Кирилло-Белозерского монастыря. Крестьяне просили, чтобы вместо него священником стал бы его брат Семен. Важно, что, помимо аргумента относительно личных качеств претендента («он человек добрый и им люб и годен»), приведена еще одна причина, возможно, не менее весомая: после перевода старшего брата в другой приход в его доме остались мать, которую средний брат Семен «емлется... поити и кормити»⁹.

Игуменья Горицкого монастыря Анфиса с сестрами в 1690 г. писала архиепископу вологодскому: «В нынешнем году в Горах девича монастыря храму Воскресения Христова поп Дмитрий овдовел (т.е. не может более окормлять монахинь. — Т. С.). И мы, богомолицы твои, выбрали х тому храму Воскресению Христову его брата — града Белаозера Преображенского собору попа Ивана за смирение ево на место отца его и вдового брата. А отец их, поп Исакий, и попадья ево и мать их престарели, и скорбели, и поить и кормить их некому»¹⁰.

Как видно из примеров, «выборная челобитная» могла исходить от прихожан — крестьян дворцовой волости, владельческих крестьян или монастырских крестьян.

Поставление духовенства к церквям в монастырских вотчинах должно было совершаться с ведома, а иногда при непосредственном участии монастырских властей.

Есть пример челобитной, адресованной игумену Кирилло-Новоезерского монастыря Иоасафу, в чьей вотчине находился храм. В челобитной крестьяне просили, чтобы игумен разрешил или приказал прихожанам сделать мирской выбор всем в пользу брата уехавшего священника: «Умилостивися, государь святыи отец, игумен Иоасаф и святая братия, пожалуйте нас, последних сирот своих, прикажи нам, мирским людям всем прихоженям, ему, Семяну, мирской

выбор (и) излюб дати, потому что он, Семян, человек доброй и нам, мирским людям, люб и годен»¹¹. Таким образом, проявляется некоторая двойственность: с одной стороны, монастырские крестьяне не могут совершать значимые действия по своему произволу без одобрения игумена, с другой стороны, священника все же выбирает приход.

Челобитная 1686 г. архиепископу вологодскому и белозерскому Гавриилу исходит из монастырской вотчины — от архимандрита Кирилло-Белозерского монастыря: «И ныне, государь, тое церкви церковные староста и приходцкие люди выбрали и излюбили в попы дьячка Ивана Семенова сына Попова, и челобитную их, приходцких людей, за моею, архимандрита Тимофея, и приходцких людей за руками под сею отпискою послали, и тебе, государю, и ево дьячка Ивана для поставления в попы послали же. Милостивый государь, преосвященный Гавриил, архиепископ Вологодский и Белоозерский, пожалуй»¹².

Еще одна челобитная архиепископу Гавриилу крестьян Кирилло-Белозерского монастыря: «Бьют челом, плачютца Белозерского уезду вотчины Кирилова монастыря села Романовы слободки церкви Рождества Иисуса Христова прихоженя: церковной староста Еремка Семенов и 21 человек <названы поименно>. Был у нас священник, а нам отец духовной Василей Семенов, служил у церкви Рождества Христова лет тритцать и болши. А ныне отец наш духовной преставись и церковь Божия стоит без пения, и боли помирают без покаяния и без пречастия, и родилницы лежат без молитв. И мы, рожественские прихоженя, выбрали и излюбили в попы того же Белозерского уезду Надпорожского стану Озацкие волости церковного дьячка Ивана Семенова сына Попова. Умилостивися, государь, преосвященный Гавриил, посвяти его, Ивана, во дьяконы, и соверши его в попы. Государь, смилуйся, пожалуй. Руки приложили архимандрит Тимофей, вместо старосты и крестьян и всех рожественских прихожан богоявленской поп Трифон Иванов по их велению рука приложил»¹³.

В ряде случаев в связи с выбором подавались две челобитные: одна от уходящего священника, другая от прихожан с указанием, что выбор они сделали по совету с бывшим священником. Например, архиепископу вологодскому и белозерскому Гавриилу били челом священник вознесенской церкви Есюнинской волости Надпорожского стана Белозерского уезда Герасим Илларионов и прихожане. В челобитной Герасима говорилось: «Божиим изволением заскорбел я ногами другой год, и ныне, государь, моча мое не стало в церкви Божии служить, и к приходным людям с причастием и со всякими потребами за скорбию ходить не могу, а детей, государь, у меня мужеска полу ни одного нет, а принят у меня в дом к дочери дьячек Давыд Софронов сын Попов. Милостивый государь преосвященный Гавриил архиепископ Вологодский и Белозерский, пожалуй меня, богомолца своего, благослови, государь, и посвяти на мое место зятя моего Давыда в попы, что, государь, дому нашему и всякому заводишку без остатка не разорится»¹⁴. Прихожане, а именно «Белозерского уезду Есюнинские волости Вознесенского приходу стольника Никиты

Дмитриевича Полтева да стольника Василья Аврамовича Лопухина старостишка и крестьянишка их Михайко Иванов, и 52 крестьянина, и все прихожане того храма» писали: «Изволением Божиим священник у нас, Ярасим Ларионов, заскорбел ногами другой год, и ныне, государь, у нас в церкви Божии служить и в монастырь со всякими потребами ходить не может, а есть, государь, у нас у того священника нашего в приеме зять Давыд Софронов сын Попов, и мы, государь, ныне по совету с священником Ярасимом выбрали и излюбили зятя ево, Давыда Софронова сына Попова, а он человек доброй, ни за каким безделием не ходит. Милостивый государь, преосвященный Гавриил, архиепископ Вологодский и Белоозерский, пожалуй нас, сирот своих, благослови, государь, и рукоположь зятя ево Давыда на ево тестево место к нам в попы. Потому что, государь, у нашего священника детей нет мужеска полу ни одного»¹⁵.

В 1672 г. были поданы две челобитные архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону. Первая — от имени новоезерского монаха Авраамия, который ходатайствовал о поставлении в священники своего сына Демки: «Бьет челом нищей твой богомolec, Кирилова Новоезерского монастыря чернец Авраамий. <...> Благослови, посвяти сынишка моего дьячка Демку Афонасьева сына Попова во дьяконы и соверши в попы в Белозерской уезд в Заозерской стан к церкви и к престолу святых верховных апостол к Петру и Павлу в сельцо Кустову»¹⁶. Вторая челобитная — от жильцов Григория Дмитриева сына Рязанова и Петрушки Дмитриева сына Рязанова, о том, что они выбрали Демку в священники «крестьянишками своими» (поименно перечислены четыре вотчинных крестьянина сельца Кустова, в том числе староста): «В сельце, государь, Кустове церковь святых верховных апостолов Петра и Павла от многих лет стоит без службы пуста, и священника у ней нет. И мы, холопи государевы, и крестьянишками своими выбрали и приговорили х той церкви в сельцо Кустову в попы дьячка Демку Афонасьева сына Попова. Пожалуй, государь преосвященный Симон архиепископ Вологодцкий и Белозерский, нас, холопей государевых и крестьянишек наших, благослови того дьячка Демку, поставь ево во дьяконы и соверши в попы»¹⁷.

Документы показывают, что выбирали не только священников, но и дьяконов. Примером может служить челобитная 1686 г. архиепископу Вологодскому и Белозерскому Гавриилу. Согласно ее тексту, на посаде в Белоозере в церкви Иоанна Богослова служил священник Михайло, «а для богомолья к той церкви всяких чинов людей приходит много, а дьякона у той церкви нет, а без дьякона у той церкви и у иных прихоцких церквей для службы литургей божии в праздники быть нельзя. И ныне мы излюбили в дьяконы человека добра и к церквам Божиим подвижна и чиновна и х книжному чтению навична — Григорья Сергеева. <...> Вели, государь, ево к той церкви Иоанна Богослова и к иным прихоцким церквам для службы литургей Божии на праздники в дьяконы поставить»¹⁸.

В 1691 г. были поданы две челобитные архиепископу Гавриилу о выборе дьякона. Первая челобитная от игуменьи Горицкого монастыря и монахинь.

Так как Гавриил ранее в этом же году посвятил дьякона Горицкого монастыря Бориса во священство, на его место монахини «выбрали и излюбили» во дьяконы иконописца Кирилло-Белозерского монастыря Иосифа Аникиева. Другая челобитная — от келаря Кирилло-Белозерского монастыря Никифора, в которой он свидетельствовал о добром поведении Иосифа и отсутствии у него долгов: «Люди нашего монастыря все Божии и великих государей и твоей, государь, святительской паствы. А кто бы годился к церкви Божии во освященный чин в твоей, государь, святительской паствы Кирилова монастыря, и мы государь, богомолцы твои, тому же бы порадовались, чтоб по твоей, государь, архиерейской милости нашего монастыря люди пожалованы были. А и долгу, государь, монастырского на нем, Иосифе, денежного и хлебного нет, и никем он у нас не занимался»¹⁹.

Известен случай, когда иерарх отказался «поставить» избранного священника в силу его молодости. В 1686 г. архиепископу Вологодскому и Белозерскому Гавриилу били челом прихожане из поместий шести дворян покровского прихода Чужбойской волости Белозерского уезда. После смерти «в прошлые годы» священника Алексея они выбрали «на прародительское ево место» его сына дьячка Ивана Алексея сына Попова. Но предыдущий архиепископ Симон его поставить «не изволил ради молодости, но дал свою святительскую память, что ему отца ево землею владеть, а попа служить наемывать, и он и по се число попа наемует». Через несколько лет прихожане просили нового архиепископа все же поставить Ивана в попы: «Умилостивись, государь преосвященный Гаврил, архиепископ Вологодцкий и Белозерский, пожалуй нас, сирот своих, посвяти, государь, того нашего дьячка в попы к нам в приход к храму Покрову Богородице на прародительское место, смилуйся, пожалуй»²⁰.

Важное место в вышеописанных документах занимали рукоприкладства. В некоторых челобитных перечислялись имена более 20 и даже 30 прихожан, часть из которых самостоятельно прикладывала руки. Иногда же подписывается только священник: «вместо детей своих духовных и прихожан руку приложил».

Известны примеры подделки рукоприкладств. В 1638 г. протопоп Михаил из собора города Белоозера постригся в монахи. Его сын Корнило Михайлов сын Протопопов по велению отца «и по совету родимцов своих» написал «составную» (т. е. злоумышленную) челобитную у себя на дому, снабдил ее рукоприкладствами соборных и посадских священников и дьяконов, земских старост, посадских людей и волостных крестьян и отправил архиепископу. Тот, исходя из этой ложной челобитной, благословил его и дал настольную грамоту. После этого священники, имена которых были среди рукоприкладств, подали челобитную белозерскому воеводе Н. И. Ласкиреву, указывая, что Корнило Михайлов сын протопопов «в челобитную-де написал имена соборных и посадских всех попов и дьяконов и их посадских земских старост и посадских и уездных людей за очи, а не на соборе. И руки той своей составной заочной челобитной збирал он, поп Корнило, родимцов своих, попов, братью и племянников

и дядьев, посадских немногих людей, которые ему родимцы и должны пьющие люди, заводя к себе на дом и поя вином. И тое-де ложную составную челобитную носил по захребетью и по зарукавью, и руки-де збирал к той своей челобитной составем и бездельем, а не по совету соборному и градцкому всяких людей, как ведетца в ьных городах и преж сего бывало и у них на Белоозере». По распоряжению архиепископа обе челобитные были направлены в Белоозеро для сличения рукоприкладств — «для розбору подписных рук, и про тое велети сыскати, и руки с руками сложити и, розобрав, переписать имяно по статьям, хто имяны в челобитных писаны и чьи руки приложены, и чтоб-де впредь такое воровство не вкоренилось, <...> а которые люди грамоте не умеют, и к тем их допросным речем велети отцем их духовным руки приложитьи».

О том, что выборы духовенства проходили, по всей видимости, неформально, свидетельствует дело белоозерского священника Терентия (1636–1637 гг.). В 1630 г. в Белоозере скончался пречистенский поп Аксентий. Его сын Терентий, один из соборных священников, просил «по отце своем сорокоуст пети и четыредесятница исправить у их приходу». «А в то-де время учили попа избирать, и тот-де поп Терентей со стадом, напаивая людей питьем, к себе на дом заводя, и на дому у себя составил челобитную за руками немногими молотчими людьми их приходу; и по тому-де ево составному челобитью немногие люди, взяв в церкви ключи, и ему, попу, дали. И он-де по тому составному челобитью служит у них силно».

Между «молодшими» и старшими прихожанами возник конфликт. На Терентия был собран компромат, уличавший его в разных «непотребствах» вплоть до «содомского греха»: «В церкви словесно их же прихожанин Пороша Завьялов извещал что застал, как-де с нево, попа Терентья, Фочка Гребенщиков и с ьными неведомыми людьми в третьем часу ночи в земской избе скуфью сняли и свадьбу над ним играли, девкою наряжали и, на лавку посадя, крутили, и в комнату ево водили, бутто на подклеть, и содомское дело над ним делали. А он-де, Порошка, в тое поры в окно смотрил в ту земскую избу с улицы». «Да в том же во году в ряду говорил-де белоозерец Иван Дутой, что-де тот поп Терентей в ночи на кабаке пришел, а сын-де ево, Ивашков, в тое пору был на кабаке, и того-де попа Терентья напоил на поварне, и тот-де поп тово сына ево заставил над собою силно содомское дело делать незаконное, и тот-де сын ево Ивашков над тем попом такое незаконное дело делал». Вопреки обвинению в содомском грехе, «тово попа Терентья застали-де на жонке Дашке Овдокимкове жене Богданова сына Черенщикова — у нее, Дашки, на дворе с нею, Дашкою, блудническое дело делает». Кроме того, донесли, что «дьякона-де и понамаря тое церкви он, поп, все, господа, бьет до крови за горло давит, да и обедни служит, а бьет-де для того, что он, поп, в церкви безчиние делает и они ему о том говорят о ево безчинствах; и детей своих духовных он, поп, на дьякона и на понамаря убить до смерти научает, и с собою-де вместе служить не припускает и всякими угрозами и убивством-де им угрожает, чтоб-де они на него, попа, не извещали. И на дороге-де научает убить того дьякона и понамаря, чтоб-де их

к нам с ызветом недопустить». В связи с этим митрополит ростовский и ярославский Варлаам направил в Белоозеро «старца добра и духовна» из Кирилло-Белозерского монастыря, чтобы произвести следствие, до окончания которого Терентию было запрещено служить в церкви²¹.

К сожалению, исход этого дела неясен. Но характерно, что конфликт, возникший в связи с выборами священника, приобрел такие формы, что одна из сторон прибегла к компрометации неугодного кандидата вплоть до обвинений в содомском грехе.

Таким образом, выборы приходского духовенства в Белозерском уезде в XVII в. проходили в соответствии с установлением Стоглавого собора, которое требовало, чтобы священников и дьяконов избирали прихожане. Об этом свидетельствуют документы, направлявшиеся иерархам — архиепископу Вологодскому и митрополиту Ростовскому. Формуляр этих документов в целом схож, но конкретные формулировки могут быть самые разные. Источники показывают ряд стратегий, которыми пользовались кандидаты на избираемую должность и их сторонники для достижения поставленной цели. Ситуации, стоящие за сохранившимися документами, также различны: где-то за выбором стоит согласие прихожан, где-то виден конфликт, где-то проглядывают интриги кандидата в священники.

¹ Стоглав // Российское законодательство X–XX веков. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 306.

² Богданов А. П. Русские патриархи (1589–1700). Т. 2. М., 1999. С. 76.

³ Невоструев К. И. Запись о ставленниках московских церквей 1645–1666 гг. М., 1869.

⁴ Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. М., 2002.

⁵ Государственный архив Вологодской области (далее — ГАВО). Ф. 1260. Оп. 1. Д. 7852.

⁶ Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII веках. С. 255.

⁷ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 2498.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Д. 8024.

¹⁰ Там же. Д. 8437.

¹¹ Там же. Д. 8024.

¹² Там же. Д. 3704.

¹³ Там же. Д. 3707.

¹⁴ Там же. Д. 3706. Ст. 32.

¹⁵ Там же. Ст. 33.

¹⁶ Там же. Д. 3708.

¹⁷ Там же. Д. 3709.

¹⁸ Там же. Д. 6827.

¹⁹ Там же. Д. 8742.

²⁰ Там же. Д. 3705.

²¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 196. Оп. 2. № 16.

References

BOGDANOV A. P. *Russkie patriarkhi (1589–1700)* [Russian Patriarchs (1589–1700). In Russ.]. Vol. 2. Moscow: Terra; Respublika, 1999.

NEVOSTRUEV K. I. *Zapis' o stavlennikakh moskovskikh tserkvei 1645–1666 gg.* [Record about clergy ordination in Moscow churches, 1645–1666. In Russ.]. Moscow, 1869.

STEFANOVICH P. S. *Prikhod i prikhodskoe dukhovenstvo v Rossii v XVI–XVII vekakh* [Parish and parish clergy in 16th–17th centuries. In Russ.]. Moscow: Indrik, 2002.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Т. В. Сазонова. К вопросу о выборах приходского духовенства в Белозерском уезде в XVII в. // Петербургский исторический журнал. 2024. № 4. С. 262–270

Аннотация: Статья посвящена практике выбора священно- и церковнослужителей прихожанами в России XVII в. на примере Белозерского уезда в соответствии с установлением Стоглавого собора, согласно которому священников и дьяконов должны были избирать прихожане. На основании актов избрания, носивших названия «мирские выборы», «излюбленные грамоты», «выборные челобитные», рассмотрены основные аспекты этой практики. Формуляр сохранившихся документов к этому времени уже устоялся. Ситуации, стоящие за документами, различны: где-то за выбором стоит согласие прихожан, где-то виден конфликт, где-то проглядывают интриги кандидата в священники.

Ключевые слова: православие, Белозерский край, Белозерская епархия, церковные приходы, священнослужители.

FOR CITATION

T. V. Sazonova. On the issue of election of parish clergy in the Belozerye region in the 17th century // Petersburg historical journal, no. 4, 2024, pp. 262–270

Abstract: The article focuses on the practice of electing priests and clergymen by parishioners in Russia during the 17th century. In the Belozerye Region, the Stoglav Synod established a system whereby priests and deacons were to be elected by parishioners. This article considers the main aspects of this practice based on the acts of election, which were referred to as “secular elections”, “elective letters” and “elective petitions”. By this point in time, the format of the surviving documents had already been established. The circumstances surrounding the documents vary considerably. In some cases, the choice appears to have been made with the consent of the parishioners, while in others, there seems to have been a clear conflict. In some instances, the intrigues of the candidate for the priesthood are evident.

Key words: Orthodoxy, Belozerye region, Belozerye diocese, church parishes, clergy.

Автор: Сазонова, Татьяна Викторовна — к. и. н., научный сотрудник Отдела древней истории России Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: Sazonova, Tatiana Viktorovna — PhD in History, Researcher, Division of Medieval Russian History of the St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: tvsaz@rambler.ru